

С.А. Фомичев

Скалозуб

Соперником Чацкого в любовной интриге «Горя от ума» выступает полковник Скалозуб, но не потому, что он прилагает какие-то особые для этого усилия. На него положил глаз Фамусов, почти откровенно предлагая свою дочь в жены.

Слово «Скалозуб» — по-украински «насмешник, зубоскал». Ср. также с русской поговоркой: «Всегдашние скалозубы бывают всем не любы». Это первое определение к характеристике персонажа действительно раскрывается в речевой характеристике полковника, в общем-то немногословного. Шутки его бесхитростны и натужны, будь то его анекдот о графине Ласовой, или реплика о Настасье Николавне («Не знаю-с, виноват: / Мы с нею не служили»), или угроза репетиловским приятелям дать «Фельдфебеля в Вольтеры». Его сосредоточенность на службе с маниакальным желанием «Мне только бы досталось в генералы» — абсолютна. Чацкий называет его «Хрипун, удушенный, фагот». За этими определениями скрывается характеристическая черта. По словам Вяземского, великий князь Константин Павлович, который «обогастил гвардейский язык многими новыми словами и выражениями», был, между прочим, и автором слова «хрип», что «означало какое-то хвастовство, соединенное с высокомерием и выражаемое насильственной хрипкостью голоса». В этом контексте смысл слова *удушенный*, примыкающий к образу хрипуна, раскрывается отчасти таким описанием офицеров той же эпохи в повести Тургенева «Три портрета»:

«Военные шеи затянули туго-натуго <...> *хрипят*, глаза таращат, да и как не *хрипеть*?»

Ср. у Вельтмана в «Приключениях, почерпнутых из моря житейского» описание щегольски одетого, богатого офицера николаевского времени:

«Воротник, как петля, задушил его, так что глаза выкатились; мундир перетянут в рюмочку».

Для понимания слова *фагот* чрезвычайно важен рассказ знаменитого хирурга Пирогова в «Дневнике старого врача о назначенном в начале царствования Николая I попечителе Московского университета генерале Писареве:

«Не замедлил явиться перед нами в аудиториях и мундирный попечитель, тотчас же при своем появлении прозванный, по свойству его речи, *фаготом*. Действительно, речь его была отрывистая, резкая».

Можно припомнить обычные указания на свойственные *фаготу* — музыкальному духовому деревянному инструменту низкого регистра — хрипловато-гнузавый тембр. Ср. у Гоголя в «Мертвых душах»:

«Манилов в ответ принялся насасывать чубук так сильно, что он начал наконец хрипеть так сильно, как фагот».

«Содержание языковой маски Скалозуба составляют не только и, пожалуй, не столько лексические элементы, сколько особенности логико-синтаксической организации речи. В репликах Скалозуба не просто много военной лексики в ситуации отнюдь не военной. Характерно, что эта военная лексика дана в пародийном смешении с просторечием и элементами книжного стиля. Нарушение лексической сочетаемости компонентов, логическая и синтаксическая незаконченность своеобразной “обрубленной” фразы — все это черты, составляющие основу языковой маски Скалозуба. Первая реплика Скалозуба, с которой он появляется в доме Фамусова: “Зачем же лазить например самим!.. Мне совестно, как честный офицер”, где просторечный глагол “лазить” находится в непосредственном

соседстве с типично книжным “например”. Показательно, что “вводные” слова “например”, “впрочем” в речи Скалозуба не являются модальными, так как присутствуют в речи как чистое украшение, орнамент, принадлежность “учености”. Вторая фраза построена совсем уж “рассудку вопреки”: “Мне совестно, как честный офицер”. И на конце точка, а не многоточие, то есть, с точки зрения говорящего, и предложение, и мысль закончены. А в грамматическом и логическом плане это часть конструкции, мысли. Характерно, что этот алогизм типичен для Скалозуба. Автор намеренно создает впечатление, что у этого действующего лица нет или почти нет “своих” слов, и поэтому он пользуется набором чужих кусков речи, не очень заботясь об их логической связи и завершенности. Получается очень своеобразная “лоскутная” речь. Косноязычная щеголеватость Скалозуба тонко подмечена Лизой, которая в разговоре с Софьей так отзывается о нем: “Да-с, так сказать, речист, а больно не хитер”. Эта характеристика подтверждается всем развитием диалога и действия в комедии. В ответ на намеки Фамусова, прочившего свою дочь в жены Скалозубу:

...дай Бог здоровье вам
И генеральский чин; а там
Зачем откладывать бы дальше,
Речь завести об генеральше? —

Скалозуб, ничуть не смущаясь присутствием Чацкого и как бы стараясь проверить, о том ли речь, не ошибся ли он, без всяких перифразов и недомолвок полуспрашивает: “Жениться? Я ничуть не прочь”. В этом же стиле Скалозуб изъясняется и дальше, его “лоскутная речь” по-прежнему состоит из обрывков чужих слов и мыслей, отражающихся в сознании Скалозуба искаженно, как в кривом зеркале. Так, выслушав пламенный монолог Чацкого (действие II, явление 5) “А судьи кто?” и ничего не поняв, он, однако, запомнил концовку монолога:

Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали:
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!» —

Скалозуб отвечает Чацкому довольно пространно, не без влияния красноречивого собеседника:

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам;
Их золоту, шитью дивятся будто солнцам!
А в первой армии когда отстали? в чем?
Все так прилажено, и тальи все так узки,
И офицеров вам начтем,
Что даже говорят, иные, по-французски.

Если Чацкий клеймит увлечение мундиром, внешним блеском: “Мундир! один мундир!»

Скалозуб же именно этот “мундир” хвалит: “Все так прилажено, и тальи все так узки...” <...>. Примеров нарушения логической связи в репликах Скалозуба очень много <...>. Так маска обнаруживает духовное убожество, прикрываемое своеобразным словесным “мундиром”. Блестки чужого ума, чужого красноречия, как яркие заплатки, только подчеркивают скудные собственно скалозубовские возможности. Чацкий напрасно отнес в неопределенное прошлое известные слова о защитной роли мундира:

Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету...

Есть ли под этим “мундиром-маской” что-нибудь, что хоть приблизительно могло бы быть “лицом” этого “созвездия маневров и мазурки”? Несомненно есть! Скалозуб без маски немногословен. Привыкнув разговаривать с нижними чинами языком приказов и команд, он иначе говорить или никогда не умел, или разучился. Просторечная лексика и очень внимательное отношение к цифрам, числам, наименованиям родов войск, точность в справках, когда получен чин или орден, — вот основной лексико-семантический фон реплик Скалозуба». (*Л. Еремина*).

Скалозуб — участник Отечественной войны. С тех пор его, по собственным словам, «чинами не обходили», но, дослужившись до полковника, он два года дождался назначения командиром полка («за полком два года поводили»), и назначение это было связано, по всей вероятности, с одной из разительных примет установившегося аракчеевского режима, когда в гору пошли офицеры скалозубовского пошиба.

«В армии аракчеевщина сказалась <...> в планомерной смене командиров полков, зараженных вольным духом после заграничных походов <...>. Печально знаменитый полковник Шварц весной 1822 года сменил популярного командира лейб-гвардии Семеновского полка Потемкина. Аракчеев при назначении поставил ему цель: “Надо выбить дурь из головы этих молодчиков”. Вместо любимого командира лейб-гвардии Преображенского полка Розена был назначен полковник Карл Пирх <...>. В лейб-гвардии Измайловском полку полковой командир генерал-майор С. Стрекалов в ноябре 1821 года был сменен ненавистным П. Мартыновым, который <...> встречался <...> в пародии П. Семенова на оду Державина “Бог” (“...чей крик двор ротный оглашает, десница — зубы сокрушает, кого Мартыновым зовут”) <...>. В 1821 году генерал-майор В. Шеншин принял командование лейб-гвардии Финляндским полком, причем историк полка Растаковский глухо намекает на связь этого назначения с “тогдашними большими переменами в составе начальствующих лиц гвардии” <...>. Можно привести подобные же примеры и из жизни не гвардейских — “армейских” частей. В Одесском пехотном полку также был сменен командир и назначен грубый фронтовик Ярошевицкий. Появляющийся около того же времени в Черниговском пехотном полку подполковник Гебель — тоже аракчеевский ставленник. Сын Гебеля прямо пишет в своих мемуарах об отце, что того специально назначили, чтобы он “подтянул полк. За это подтягивание и невзлюбили его” (*М. Нечкина*).

Современники называли множество прототипов полковника Скалозуба, больше, нежели для какого-либо другого персонажа комедии, и не случайно. Декабрист Якушин свидетельствовал:

«На каждом шагу встречались Скалозубы не только в армии, но и в гвардии, для которых было непонятно, что из русского человека возможно выправить годного солдата, не изломав на его спине несколько возов палок».

В комментариях к комедии давно обращено внимание на воинскую награду Скалозуба, которой он не может не похвалиться, не совсем кстати (ведь речь-то шла не о нем, а о его брате):

В тринадцатом году мы отличились с братом...

...

За третье августа; засели мы в траншею

Ему дан с бантом, мне на шею.

События Отечественной войны были свежи в памяти современников Грибоедова, и потому точная дата, названная в пьесе, не могла быть случайной. Но это получило различное истолкование у комментаторов. М. Нечкина заметила, что 3 августа 1813 года никаких военных действий не велось, так как 4 июня этого года между воюющими сторонами было заключено Плесвицкое перемирие, продлившееся до середины августа. Егерские полки (то есть полки легкой пехоты) в это время находились на отдыхе под Смоленском. Однако драматург точен: 3 августа в Праге состоялось свидание Александра I

с австрийским императором Францем II, и встреча эта была ознаменована множеством наград. И еще одна многозначительная деталь. Достоинство орденов, получаемых по случаю, определялось, как правило, чином награждаемого. Очевидно, уже в 1813 году Скалозуб имел штаб-офицерский чин (то есть не ниже майора), если ему был пожалован орден «на шею» (низшие ордена, IV и III степени, носились в петлице, причем орденская лента завязывалась бантом). Более сложную интерпретацию предлагает Е. Цимбаева: «Скалозуб отличился очень мало: Грибоедов решил дать ему девять крестов, потом сократил их до шести-семи, а в окончательном варианте оставил только одну награду — “за третье августа”». В комментарии к этому месту неожиданную оплошность допустила Нечкина, надолго испортив репутацию Скалозуба, указав, что в этот день еще продолжалось перемирие и, следовательно, Скалозуб с братом сидели в траншее во время показательных маневров и штабными происками получили награды. Это могло бы очень дурно характеризовать полковника, но его двоюродный брат показан передовым человеком, который “службу вдруг оставил, / В деревне книги стал читать”, — Грибоедов не стал бы его унижать. В рассуждения Нечкиной просто вкралась путаница между новым и старым стилем. Хотя боевые действия проходили в Европе, по общему правилу, находясь в Москве, следовало называть даты по русскому стилю, находясь за границей — по европейскому. В переписке между корреспондентами, жившими по разные стороны границы, ставились через черту обе даты. Такая система была принята, дабы не запутать совершенно русское общество, тысячами нитей связанное с Европой. Современникам Грибоедова, пережившим войну, к словам Скалозуба не нужны были пояснения: 3 августа 1812 года боевых действий не было, после сражения при Красном 2 августа русская армия передислоцировалась в район Смоленска до 4 августа. А вот 3 (15 по европейскому стилю) августа 1813 года Силезская армия, половину которой составляли русские войска, первой двинулась на французов после длительного летнего перемирия. Ей не оказали почти никакого сопротивления, потому что Наполеон сосредоточил все против Богемской армии у Дрездена. Наступление 3 августа было просто отвлекающим маневром, и то, что Скалозуб отличился в этот день, а не в дни великих битв Бородина, Кульма, Лейпцига, свидетельствовало не то чтобы об отсутствии у него храбрости (едва ли Грибоедов хотел изобразить слишком нетипичного в его кругу), но об отсутствии активности — в более важных сражениях его отодвигали на задний план быстро думающие и действующие офицеры. В демонстрационном же бою он мог спокойно сидеть в траншее и стрелять без большой опасности (задача егерей, где он служил); и, наверное, блеснул меткостью, обычно подавляемой в нем беспокойством не уронить себя в глазах сослуживцев. Скалозуб отличился вместе с двоюродным братом, о котором Фамусов спросил: “Имеет, кажется, в петличке орденок”. Но Скалозуб поправил, оскорбившись: “Ему дан с бантом, мне на шею”, — пусть Фамусов не путает! До 1828 года только одну награду Российской империи носили с бантом орденской ленты: орден Владимира 4-й степени с бантом, в отличие от Владимира той же степени в петлице, орден с бантом можно было заслужить исключительно на поле — личный подвиг и никак иначе. Такой орден в то время вручался довольно часто: по данным исследования всех обнаруженных формулярных списков офицеров — участников Бородинского сражения, 20 процентов их имели Владимира с бантом. Зато в мирное время получить его было абсолютно невозможно, и он пользовался большим уважением, уступая только Георгиевскому кресту. “На шее” же (то есть только на шее, без дополнительной звезды и ленты) носили орден 2-й степени или орден Владимира 3-й степени. Скалозуб мог получить одну из этих наград. Они считались почетными, но вручали их не только за воинские подвиги, но за возможные заслуги (например, Карамзин получил Владимира 3-й степени за сочинение «Истории государства Российского», а сам Грибоедов — Анну 2-й степени (правда, с бриллиантами, что выше) за Туркманчайский договор). Так что награда Скалозуба хотя степенью выше, чем у его брата, но менее ценна

в глазах военных: Скалозуб, допустим, стрелял из траншеи, а его кузен сделал вылазку и взял в плен офицера врага».

Скалозуб лишь недавно после длительного отсутствия появился в Москве. Фамусову только сейчас приходит на ум с ним «своими счестья»; в четвертом акте, встретив Скалозуба, Репетилов воскликнет: «Слух о тебе давно затих, / Сказали, что ты в полк отправился на службу». Это обстоятельство следует иметь в виду, чтобы понять причину особенного внимания, которым Скалозуб пользуется у Фамусова. Неженатые люди приезжали на зиму в Москву с особыми целями. Вспоминая балы в Московском Благородном собрании, Вяземский пишет:

«Это было сборным местом русского дворянства <...>. Это был настоящий съезд России, начиная от вельможи до мелкопоместного дворянина из какого-нибудь уезда Уфимской губернии, от статс-дамы до скромной уездной невесты, которую родители привозили в это собрание с тем, чтобы на людей посмотреть, а особенно себя показать и вследствие того выйти замуж. Эти вторники служили для многих исходными днями браков, семейного счастья и блестящих судеб».

«Москва, – писал Пушкин, – славилась невестами, как Вязьма пряниками».

«Жениться? — я ничуть не прочь» – признается Скалозуб. Скалозуб назван «золотым мешком». «Такое определение никогда не применялось к владельцам даже самых богатых населенных поместий: их мерили количеством душ. “Золотой мешок” — это, скорее, ростовщик или откупщик. Сыном ростовщика Скалозуб едва ли был, ростовщики выходили не из Малороссии, а вот сыном откупщика, купившего дворянство в последние годы царствования Екатерины, он вполне мог быть» (Е. Цимбаева).

Будучи богатым человеком, Скалозуб вовсе не помышляет об отставке. Карьерные его устремления пока ограничиваются генеральским чином, но это ли для него предел? Вспоминая тип нерассуждающего фрунтовика, русские писатели уверенно видели дальнейшее его карьерное движение в эпоху николаевского царствования. В комедии Е. Расстопчиной «Возврат Чацкого в Москву», известной в литературных кругах с конца 1850-х, Скалозуб появляется губернатором. В рецензии на стихотворения А. Майкова (1864) Салтыков-Щедрин также безошибочно угадывает вариацию (правда, бледную и неверную) «образа Скалозуба, нарисованного мастерской кистью Грибоедова» в фигуре «папиньки» из сатиры «Другу Илье Ильичу»: «Полжизни на плацу вытягивал он ногу, / Был губернатором, здесь чем-то управлял...» В ряде произведений самого Щедрина выступает губернатор, генерал Семен Семенович Зубатов, отличающийся незыблемой приверженностью к «порядку» и ненавистью к «диалектикам». «А под диалектиком разумел Семен Семенович отчасти такого человека, который пером побаловать любит, отчасти такого, который на официальный запрос осмеливается откликнуться “не могу знать”, а отчасти такого, который не бежит сломя голову на всякий рожон, на который ему указывают».